

The poster features three young women in the foreground, looking directly at the camera with serious expressions. The woman on the left has long blonde hair, the one in the center has dark hair and is slightly blurred, and the one on the right has curly dark hair. Behind them is a large, dark silhouette of a person, likely the same woman as the one in the center, creating a sense of mystery and tension. The background is a dark, gradient grey.

Pozhiloy Mladenets

Петля. Протокол 17

18+

Pozhiloy Mladenets

Петля. Протокол 17

«Автор»

2026

Mladenets P.

Петля. Протокол 17 / P. Mladenets — «Автор», 2026

Ночью Маша переходила дорогу. Её сбила машина. Она очнулась в чужой комнате, в чужом теле — и не поняла, как здесь оказалась. В чужом ноутбуке она нашла файл «Протокол 17». Из него выходило: парня по имени Кирилл вернули с того света. А потом он сошёл с ума и попал в больницу. Маша написала ему письмо. Он ответил. И в первом же письме было: «Я ничего не забыл. Даже того, чего не должно было быть». Теперь Маша знает: за ней охотятся. Тот, кто когда-то был Кириллом, хочет забрать её сознание. И если он доберётся, Маша исчезнет навсегда. Но она не собирается сдаваться. Сюжет и герои — полностью мои. История родилась из моего сна, и я решила её записать. Нейросеть помогла только с правками текста: подсказала, где добавить деталей, где убрать лишнее.

Pozhiloy Mladenets

Петля. Протокол 17

Глава 1

ПЕТЛЯ. ПРОТОКОЛ 17

Часть 1

Ночь пахла мокрым асфальтом, бензином и дождём, который так и не начался. Я шагнула на дорогу, даже не успев подумать, что для меня ещё горит красный. Свет фар ударил в глаза — белый, режущий, — и мир сложился пополам. Последнее, что я помню: собственный вскрик, глухой удар и вкус крови на губах.

А потом — тишина.

Я открыла глаза. Потолок был чужой: серый, с трещиной, похожей на реку. Пахло краской, пылью и чем-то сладковатым — то ли лаком, то ли старой бумагой. Комната была тесной, заставленной: на стенах — картины, на полках — приборы, колбы, мотки проводов.

За столом сидела девушка. Короткое каре, кудри — непослушные, упрямые, они вились даже там, где не должны были. Тёмные глаза смотрели на меня с любопытством и лёгкой насмешкой, как смотрят на человека, который только что спросил, какой сейчас год.

— Где я? — голос вышел хриплым, чужим. — Ты кто?

Она приподняла бровь и усмехнулась:

— Ты чего? Это же я, Юлия. Сериалов насмотрелась?

Я хотела ответить, что не знаю никакой Юлии. Но взгляд упал на зеркало — и слова застряли в горле. Из отражения на меня смотрела не я. Чужие глаза, чужие волосы, чужая тонкая шея. Я подняла руку — отражение подняло чужую руку. Внутри всё сжалось так, что стало нечем дышать: «Это не сон. Это точно не сон».

Юлия уже собирала сумку. Мы жили в одной комнате — она оставила ноутбук на столе, раскрытый, как дверь в чужую жизнь.

— Я на учёбу, — бросила она через плечо. — Встреть друзей, они должны зайти. И не сиди с таким лицом, будто тебя похитили.

Дверь хлопнула. Я осталась одна.

Я подошла к зеркалу. Медленно, как будто оно могло укусить.

Из отражения на меня смотрела девушка лет двадцати. Худая — не спортивная худоба, а какая-то тихая, незаметная. Светлые волосы ниже плеч, прямые, гладкие, будто их каждый день вытягивали утюжком. Глаза серо-голубые, чуть припухшие, как у человека, который мало спит. Бледная кожа. На левой щеке — маленькая родинка, почти незаметная.

Я подняла руку. Отражение подняло. Коснулась щеки — отражение коснулось. Родинка была на месте.

Юлия уже ушла, а я всё стояла и разглядывала себя. Чужую себя.

На столе лежали вещи Алисы. Расчёска с длинными светлыми волосами. Кружка с выцветшим рисунком — кажется, кот. Тетрадь, открытая на середине, с аккуратным почерком: «Не забыть: сдать реферат до пятницы». Под тетрадью — книга, заложенная на середине. «Мастер и Маргарита». Обложка затёртая, уголки загнуты — читали много раз.

Я открыла тетрадь на первой странице. Там было написано: «Алиса Ветрова, 2 курс, био-фак». И ниже, другими чернилами, будто позже: «Если потеряешься — ты не одна».

Я не поняла, что это значит. Но почему-то от этой строчки стало чуть теплее.

В шкафу висела одежда: свитера, джинсы, одна юбка, которую, судя по бирке, так и не носили. В кармане куртки нашлась половина шоколадки и билет в кино на прошлую субботу. Один билет. Алиса ходила в кино одна.

Я села на её кровать. Матрас прогнулся в том месте, где она всегда садилась. Привычка. Её привычка.

«Ладно, — сказала я вслух, чтобы услышать хоть какой-то голос. — Я побуду тобой. Недолго. Пока не разберусь».

Пароля на ноутбуке не было. Я щёлкала по файлам почти наугад — пальцы дрожали, — пока на экране не появилась фотография. Юлия и парень. Они стояли, прижавшись друг к другу, и смеялись так, будто мир вокруг перестал существовать.

Парень был высокий, темноволосый, с бледным лицом — не болезненно-бледным, а каким-то другим, будто он давно не видел солнца. Тёмные глаза, тонкая линия губ, упрямый подбородок. На футболке — яркое пятно кетчупа. Под фотографией — название документа: «Протокол 17. Реанимация».

Я открыла его.

Из заметок выходило, что этот парень, Кирилл, погиб — трагический случай, в файлах было сухо и коротко. Юлия и профессор Левин сделали какую-то жидкость, и Кирилл ожил. Его изучали. Юлия была счастлива, что он вернулся — в заметках это чувствовалось даже сквозь сухие строчки. Но счастье продлилось недолго. Что именно произошло — в файлах не было. Только сухая строчка: «переведён в психиатрическую клинику». Возможно, он сошёл с ума после того, как выжил.

Я закрыла документ. В комнате стало тихо, только холодильник за стеной щёлкал и щёлкал, как метроном.

В дверь постучали.

Я подскочила. За дверью — голоса, мужские.

— Можно войти, Алиса? — сказал один.

— Да, заходите, — ответила я и услышала, как собственный голос предательски дрогнул.

Они вошли втроём, и комната сразу стала меньше.

Первым — высокий парень с ямочкой на щеке. Он внёс с собой шум: сразу что-то уронил, сразу поднял, сразу заговорил.

— Алис, ты чего дверь не открываешь? Мы стучали, стучали. — Он плюхнулся на стул, не спросив разрешения, и улыбнулся так, будто мы сто лет знакомы. — Юра. Если забыла, я тот, кто всегда прав.

— Ты тот, кто всегда опаздывает, — сказал второй, заходя следом.

Он был ниже, в очках с тонкой оправой, и держал под мышкой блокнот — такой потрёпанный, что было понятно: с ним не расстанется.

— Артур, — сказал он и кивнул мне, не поднимая глаз. — Если Юра тебе что-то наплёл — не верь. Он преувеличивает.

— Я не преувеличиваю, я рассказываю красиво, — обиделся Юра.

Третий вошёл молча. Светловолосый, с веснушками на носу, в расстёгнутой куртке. Он не стал ничего говорить, просто присел на край кровати, посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Ты сегодня какая-то другая, Алис.

У меня внутри всё сжалось. Заметил. Он заметил.

— В смысле? — выдавила я.

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Обычно ты сразу начинаешь ворчать, что мы шумим. А сегодня сидишь тихо.

— Может, я устала, — сказала я.

— Может, — согласился он. — Я Евгений, кстати. Хотя ты и так знаешь.

Он улыбнулся. Не широко, не нарочито — просто тепло, как человек, который рад тебя видеть и не собирается это скрывать.

Юра уже что-то рассказывал, размахивая руками. Артур тихо поправлял его, когда тот путался. Евгений слушал и иногда вставлял короткие смешные замечания — не чтобы перебить, а чтобы поддержать разговор.

Они были шумные и живые. И они не спрашивали, почему я другая. Просто были рядом.

Впервые за весь день мне стало не так страшно.

Когда они ушли, я села на кровать и долго смотрела в стену. Юлия вернулась поздно. Бросила сумку у двери, села рядом и долго молчала.

— Ты чего? — спросила я, хотя сама не знала, как с ней разговаривать.

— Устала, — сказала она. Потом посмотрела на меня и вдруг улыбнулась — коротко, но по-настоящему. — А ты чего такая? Ходишь как в воду опущенная. Я думала, ты с парнями познакомилась, они тебя развеселят.

— Развеселили, — сказала я. И это было правдой.

— Юра опять что-нибудь сломал?

— Стул. Потом поставил обратно.

Юлия засмеялась. Смех у неё был неожиданный — низкий, хрипловатый. Совсем не такой, как я ожидала от её резкого лица.

— Он у нас такой, — сказала она. — Если не сломает — значит, не он.

Она встала, достала из сумки пирог в бумажном пакете — помятый, с масляным пятном на боку.

— Купила по дороге. Холодный уже, наверное. — Она отломала половину и протянула мне. — Будешь?

Я взяла. Пирог был с яблоком. Простой, из столовой, но почему-то вкусный. Мы ели молча, сидя на соседних кроватях. За окном темнело.

— Алис, — сказала вдруг Юлия.

— Что?

Она помолчала. Отложила пирог. Посмотрела на меня — внимательно, как будто видела первый раз.

— Ты не такая, как обычно. Я не знаю, что с тобой. Но если тебе тяжело — ты скажи. Я не очень умею утешать. Но могу рядом посидеть.

У меня к горлу подкатил ком.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — сказала она и снова взялась за пирог. — Ешь. А то остынет совсем.

Мы доели пирог. Юлия рассказала про свой эксперимент — я почти ничего не поняла, но слушала. Потом она рассказала про то, как Юра в прошлом году уронил в лаборатории колбу и полдня делал вид, что так и было задумано. Мы смеялись. По-настоящему смеялись.

— Ты чего с ними такая тихая была? — спросила Юлия, жуя пирог.

— Не знаю, — сказала я. — Я... не ожидала, что их будет трое.

Юлия хмыкнула.

— Они нормальные. Юра шумный, но не злой. Артур тебе вообще слова лишнего не скажет. А Евгений... — она задумалась. — Евгений хороший. С ним легко.

Я кивнула. И подумала: а что я, собственно, знаю об Алисе? Что она тихая. Что у неё кружка с котом. Что она ходит в кино одна. А эти трое — её друзья. Может, они знают больше. Может, они заметят, что я не она. Или — что ещё хуже — не заметят.

Мне нужно было с ними поговорить. Не потому что Юлия сказала. А потому что я хотела понять, в какую жизнь я попала.

В ту ночь я заснула легче.

Прошло несколько дней. Я нашла адрес клиники. Позвонила, узнала: с пациентом можно общаться по переписке. И написала. Подписалась как Алиса, подруга Юли, — так было проще. Привет. Не знаю, помнишь ли ты меня — я подруга Юли. Она столько про тебя рассказывала... Я увидела вашу фотографию, где вы смеётесь, а у тебя кетчуп на футболке. Вспомнила — и стало как-то легче дышать.

В последнее время Юля сама не своя. Ходит, молчит, только чертежи чертит. Я пытаюсь её растормошить, вернуть ту Юлю, которая смеялась над кетчупом. Думала, если ты расскажешь про вас что-нибудь... ну, про то, как вы познакомились, про какой-нибудь глупый случай... Может, это её встряхнёт.

Если тебе не хочется об этом — всё нормально. Тогда расскажи просто про что угодно. Про то, что видишь из окна палаты. Про книгу, которую читаешь. Мне просто кажется, что если мы не будем про тебя забывать, то всё когда-нибудь снова станет нормальным.

Я отправила письмо и потом весь вечер ходила по комнате, кусая ногти. А вдруг он не ответит? А вдруг я останусь в этом теле навсегда?

Ответ пришёл через несколько дней. Я открыла его — и пальцы сами убрались от клавиатуры. Привет, Алиса.

Спасибо, что написала. Тут дни одинаковые, я уже и не помню, какой сегодня. Но твоё письмо я запомню.

Про фотку с кетчупом... Знаешь, я тогда думал, что это самый обычный вечер. А сейчас думаю: как будто мир шептал — «держи крепче, скоро всё исчезнет».

Передай Юлии, что я всё ещё помню. И не только вечер. Я вообще ничего не забыл. Ни одного дня. Даже тех, которых, по идее, не должно было быть.

Рассказывай, что там у вас. Про лифт, про пирог — мне всё интересно. Особенно про тебя. Хочется знать, что ты там ходишь по коридорам, открываешь двери, дышишь...

Твой, К.

Я дочитала до строчки «особенно про тебя» — и в комнате будто стало холоднее. До этого всё было про Юлю, про общежитие, про обычные вещи. А тут — резкий поворот на меня. И это «я ничего не забыл» звучало не как «я помню наши хорошие дни». Это звучало как «я помню всё. До последней секунды. Даже то, чего не должно было быть».

Я перечитала письмо ещё раз. Потом ещё. И только на четвёртый поняла, что сижу, вцепившись в край стола.

Тот вечер начался обычно. Мы сидели в комнате: я, Юлия и парни. Юра что-то доказывал, размахивая руками. Артур тихо поправлял его, когда тот путался в фактах. Евгений смеялся и подкидывал в воздух чей-то карандаш. За окном темнело.

Я услышала стук. Тихий, настойчивый. Повернулась — и увидела его. За стеклом, в темноте, стоял парень. Тот самый. С фотографии. Высокий, бледный, с тёмными глазами, в которых не было ни тепла, ни узнавания.

Я посмотрела на него. Тот самый парень с фотографии. Тот, кого вернули с того света. Тот, из-за кого Юлия ходит как в воду опущенная.

Если я не выйду сейчас — я никогда не узнаю. А если не узнаю — останусь в этом теле навсегда. И буду жить чужой жизнью, пока настоящая не кончится.

Я хотела вернуться домой. И для этого мне нужен был он.

— Я сейчас, — сказала я и вышла.

— Ты куда? — спросила Юлия.

Я не ответила. Вышла в коридор, потом на улицу. Парни заметили, побежали за мной.

Я успела подойти к нему почти вплотную.

— Убегай от него! — закричала сзади Юлия. — Он сумасшедший! Он убил человека!

Он посмотрел на меня. И в следующую секунду в его руке блеснул нож.

Я побежала. Ноги скользили, воздух рвал лёгкие, я кричала так, что сорвала голос. Ночь, улица пустая, ни одного окна, ни одной машины. Я нырнула в кусты и обернулась.

Он догнал Юру.

Я вижу это до сих пор, как в замедленной съёмке: взмах — и голова Юры отлетела в сторону. Кровь ударила фонтаном, тело осело на асфальт. Меня накрыло горячей волной. Не страх. Что-то хуже. Аффект.

На земле валялась стеклянная бутылка из-под пива. Я не думала. Просто увидела её — и схватила. Пальцы сами сомкнулись на горлышке. Разбила о бордюр.

«Если я сейчас не ударю — он убьёт кого-то ещё. Или меня. И тогда я никогда не вернусь домой».

Это была не храбрость. Это был страх. Но страх тоже бывает полезным.

Парни уже висели на нём сзади, держали изо всех сил, кричали мне. Артур — с разбитыми очками, Евгений — с перекошенным от ужаса лицом. Я подскочила и ударила. Целилась в голову — туда, куда кричала Юлия. В мозг. Но он дёрнулся, и стекло вошло в щёку. Ниже глаза. Разорвало кожу, хрустнуло о зуб. Кровь ударила мне на руки, горячая, как вода из крана.

Он заорал. Не человеческим криком — звериным, из горла. Рванулся — сильный, бешеный, нечеловечески резкий — и вырвался из рук парней. И в ту же секунду, пока Артур ещё пытался его удержать, он взмахнул ножом. Лезвие прошло по шее. Артур захрипел и осел.

А он побежал. В темноту, через двор, оставляя за собой капли крови, как дорожку.

— В мозг надо было! — закричала Юлия. — В мозг, а не в щёку! Теперь он ушёл!

Я не понимала, о чём она. Потом поняла: сущность выгоняется только разрушенным мозгом. Стекло в щеке её не убило. Только разозлило.

Юлия подбежала, бледная, с расширенными глазами, и упала на колени рядом с Артуром. Евгений стоял в стороне — целый, невредимый, — и молчал. Он не помогал нести Юру. Просто смотрел.

— Быстро, — выдохнула Юлия. — Несите всех в лабораторию. Быстро!

— Держи, — сказала она и сунула мне в руки пакет.

Я не сразу поняла, что в нём. Пакет был тяжёлый. Мокрый снизу. И от него пахло — железом и чем-то ещё, тёплым.

— Я не могу, — сказала я.

— Можешь, — сказала Юлия. Голос у неё был ровный, как у человека, который уже давно перестал думать о том, что чувствует. — Артур без сознания. Евгений держит Юру. У меня руки заняты. Ты единственная, кто может.

Я посмотрела на пакет. Потом на неё. Потом снова на пакет.

— Просто не смотри внутрь, — сказала она. — И не думай. Просто неси.

Я взяла. Руки дрожали так, что пакет ходил ходуном. Я старалась смотреть только вперёд. На стену. На пол. На что угодно, кроме своих рук.

И несл.

В лаборатории Юлия пришила голову Юры обратно — нитками, скобами, чем-то ещё, чего я не знала названий. Вылила формулу. Ждала. Юра не вернулся. Мозг уже умер. Юлия стояла над ним и не плакала. Просто стояла.

Артура она спасла. А Евгений стоял в углу, целый, невредимый, и молчал.

Прошёл месяц. Артур выжил. Юлия вытащила его. А Евгений был цел — на нём даже царапины не было. Но Юлия всё равно возилась с ним. Называла это восстановлением. Я не спрашивала, что именно она восстанавливает.

Однажды вечером я увидела, как Артур сидит с другом из соседней комнаты — о чём-то говорят, смеются. Евгений споткнулся о ковёр. Я присела, чтобы помочь.

И краем глаза увидела: в конце коридора лежит парень, и из-под него растекается кровь. Тёмная, густая, почти чёрная.

Я повернула голову. Евгений смотрел на меня. Ужасающим, пустым взглядом.

— Не надо было меня пытаться убить, — сказал он.

И я проснулась.

Часть 2

Я проснулась.

Не от крика. Просто моргнула — и мир щёлкнул, как сломанный слайд-проектор.

Комната была чужой. Жёсткий матрас, запах старой краски, пыль, висящая в воздухе. Я резко села, и комната качнулась.

В зеркале над столом — не моё лицо. Лицо Юлии. Её кудри, её обкусанные ногти, её тонкая шея.

«Нет, — подумала я, и в груди всё сжалось так, что стало нечем дышать. — Я же Маша. Я просто шла по дороге, меня сбила машина... Почему я всё ещё здесь? Почему я не в своём теле?»

Я прижала пальцы к вискам, пытаюсь удержать хоть один настоящий кусочек памяти. Вот я в своей комнате, на столе кружка с котиком. Вот надеваю кроссовки. Вот перехожу дорогу... и дальше — темнота. А потом я открываю глаза, и я — кто-то другой.

Я не помню, как оказалась здесь. Помню только его лицо. «Не надо было меня пытаться убить». А потом — ничего. Как будто между Алисой и Юлией вырезали кусок плёнки.

В дверь тихо постучали.

— Юль? Ты там? — Голос был знакомый. Мягкий, но в нём чувствовалась натянутая, болезненная тревога. — Ты опять закрылась и не отвечаешь. Ты же знаешь, я волнуюсь.

Кирилл.

Он вошёл, не дожидаясь ответа. Высокий, темноволосый, бледный — таким я его и запомнила с фотографии. В том самом свитере. С тем самым пятном от кетчупа. Смотрел на меня так, будто видел не Юлию. Будто за этим лицом он искал кого-то другого.

— Ты опять всё забыла, да? — тихо спросил он, подходя ближе. Осторожно, как к раненому зверю, который может сорваться и убежать. — Каждый раз, когда ты просыпаешься в новом теле, ты сначала пугаешься зеркала. Потом пугаешься комнаты. Потом пугаешься меня.

Я отшатнулась. Упёрлась спиной в холодную стену. Села на пол, прижимая колени к груди. И прошептала, почти не слыша собственного голоса:

— Я не Юля. Я Маша.

Кирилл опустился передо мной на корточки. Не торопился хватать, не тянул. Просто сел так, чтобы быть на одном уровне. Его взгляд скользнул по моим рукам — по этим чужим, тонким пальцам с обкусанными ногтями. Потом — к лицу. И там, в его глазах, мелькнуло не узнавание. А подтверждение.

— Ты опять не помнишь первые секунды, — тихо сказал он. — Каждый раз, когда ты приходишь в новое тело, ты сначала пугаешься зеркала. Но есть кое-что, что ты не можешь стереть.

Он осторожно протянул руку и чуть приподнял прядь волос у моего виска — не касаясь кожи, будто боялся спугнуть.

— У Юлии волосы выются от природы. Даже когда она их выпрямляет, к вечеру они снова становятся кудрявыми. А ты... — он чуть запнулся, подбирая слово, — ты всё время отводишь их назад. Вот так. — Он показал. — Будто они тебе мешают. Будто ты к ним не привыкла. Я видел твоё фото в файлах Левина. Ты там в школьной форме, лет пятнадцать, и волосы гладкие, будто приклеенные. Эта формула перекидывает тебя из тела в тело, но привычки остаются.

У меня внутри всё оборвалось. Это была не какая-то великая деталь. Это была мелочь. Та самая, которую никто не замечает, а тот, кто смотрит на тебя каждый день, — помнит.

— Но как... — прошептала я. — Как ты вообще всё это знаешь? Про меня? Про формулу?

Он опустил руку, отвёл взгляд. На секунду стал не тем заботливым парнем, который меня успокаивает, а кем-то уставшим. Сломанным.

— Потому что я был там, когда эту формулу придумали, — просто сказал он. — Не как учёный. Как подопытный.

Я замерла.

— Юля... то есть та Юля, в чьём теле ты сейчас, — она училась на биофаке. Её научный руководитель, профессор Левин, искал способ «перезапускать» умирающие нейронные связи. Он называл это «переносом сознания на резервный носитель». Юля помогала ему с расчётами. А я... я был её парнем. И я был первым, кого он попробовал «перезапустить».

Он провёл ладонью по лицу, будто стирая воспоминание.

— В первый раз всё пошло не так. Я погиб — нелепо, глупо, трагический случай. Юлия и Левин сделали жидкость и вернули меня. Но формула не сохранила меня целиком. Она сохранила только то, что было самым сильным в тот момент. Страх. Вину. Желание всё исправить. Это не чувства, Маша. Это вещь. Она поселилась в моём теле, как в квартире. Иногда я — это я. А иногда — она. Ночью, когда тело слабеет, она выходит. Я просыпаюсь утром с грязью на ботинках и кровью под ногтями. И не помню, чьей.

— Тот, с ножом... — прошептала я. — Это был ты?

— Моё тело было там, — поправил он. — А я — нет. Ты видела мои глаза, но смотрела не я.

— Но я же попала тебе в голову. В лицо. Стеклом.

— В щёку, — сказал он. — Не в мозг. Ты промахнулась. А сущность выгоняется только разрушенным мозгом. Ты её не убила. Только разозлила. И тогда она почувствовала, что тело больше не держит. И прыгнула.

— Куда? — выдохнула я.

— В того, кто стоял ближе всех, — сказал Кирилл. — В Евгения.

— В Евгения? — я не поверила. — Но он же не был ранен. Он...

— Он не был ранен, — согласился Кирилл. — Поэтому никто и не понял. Юлия возилась с Юрой, пришивала ему голову, спасала Артура. А Евгений стоял в стороне. Целый. Невредимый. И молчал.

— Месяц, — прошептала я. — Он «восстанавливался» месяц.

— Да, — сказал Кирилл. — Только восстанавливаться ему было не от чего.

— А ты? — спросила я. — Ты же был там. С ножом. Куда ты делся?

— Когда она ушла, я очнулся на асфальте, — сказал он. — Пустой. Живой. Меня нашли, увезли обратно в клинику. Через месяц выпустили — анализы чистые. Сущности во мне больше нет. Она теперь в Евгении.

За окном снова мигнул фонарь. Тень метнулась по стене.

— А Юлия? — спросила я. — Где она? Почему она ничего не рассказала?

Кирилл помолчал. Потом сказал тихо, глядя в сторону:

— Юлии больше нет.

У меня внутри всё оборвалось.

— Как... нет?

— Когда Алиса умерла, волна пошла дальше, — сказал он. — Она искала ближайшую ёмкость. И нашла Юлию. Юлия не выдержала перехода. Осталось только её тело. В нём теперь ты.

— То есть я... я её убила?

— Нет, — сказал он. — Ты просто оказалась следующей. Формула не спрашивает. Она перекидывает. А тело Юлии было ближе всех.

Я сглотнула. В горле стоял ком.

— А теперь? — спросила я. — Что теперь?

— Теперь она чувствует, когда сознание слабеет, — сказал Кирилл, и его голос вдруг стал жёстким. — Когда ты начинаешь сомневаться, кто ты. Именно в этот момент ты становишься лёгкой мишенью. Если она поймёт, что ты сейчас — это Маша, а не Юля... она ударит туда, где больнее. Она сотрёт тебя.

Он помолчал. А потом добавил — тише, и от этого тихого голоса у меня по спине пополз холод:

— Он не прячется, Маша. Он охотится. Ему нужна не Юлия. Ему нужна ты. Твоё сознание — чистое, не искажённое формулой. Если он до тебя доберётся, он заберёт его. И станет сильнее. Намного сильнее.

— И что тогда? — прошептала я.

— Тогда его уже никто не остановит, — сказал Кирилл. — Ни я. Ни Левин. Никто.

За окном что-то мелькнуло. Я повернула голову — но там уже никого не было. Только фонарь качался, и тень от тополя ходила по стеклу. Мне показалось. Наверное, показалось.

Он резко поднялся, протянул мне руку.

— Вставай, — сказал он, и в его голосе не было места спору.

Я вцепилась в его пальцы — крепко, до побелевших костяшек, как в единственный якорь в этом плывущем мире.

— Не отпускай, — прошептала я, поднимаясь. — Пожалуйста. Пока ты помнишь, кто я... я тоже буду помнить.

Он кивнул, не отпуская моей руки.

— Я помню, — сказал он. — И я не позволю тебе исчезнуть. Даже если для этого придётся бежать через сотню чужих жизней.

Мы шагнули в коридор. Дверь за нами захлопнулась.

Кирилл вдруг остановился. Поднял руку — тише.

Я замерла. Где-то внизу хлопнула дверь. Потом ещё одна. Медленно, будто кто-то шёл по этажам и проверял каждую комнату. Шаги. Спокойные. Уверенные.

— Он здесь, — сказал Кирилл одними губами. — Уже в общежитии. Нам нужно уходить. Сейчас.

Он схватил меня за руку и потянул к лестнице. Мы прошли несколько шагов — и шаги внизу замерли. Потом раздались снова. Ближе. На нашем этаже.

— Бежим, — выдохнул Кирилл.

Мы рванули к лестнице. Я не оглядывалась. Но спиной чувствовала этот взгляд — спокойный, внимательный, как у охотника, который уже знает, куда пойдёт добыча.